

УДК 321

DOI: 10.17223/1998863X/46/20

В.И. Шамшурин, Н.Г. Шамшурина

О ПОЛИТИКЕ, ЭКОНОМИКЕ И ИКОНОМИКЕ (О РОЛИ СОБСТВЕННОСТИ В МОНАСТЫРСКОЙ ЖИЗНИ ПРАВОСЛАВИЯ)

Определены границы значения понятия «славянский мир» на примере предметной выборки его уточнения в виде «русского мира» в контексте скрепляющей этот мир сущностной идеи, благодаря которой люди, живущие в этом мире, независимо от своего географического местоположения в системе координат земного шара, могут не только понимать друг друга, но и быть единой социальной, гражданской, политической, именно культурно-мировоззренческой общностью, независимо от национальной принадлежности. Тезис статьи: по вере – культура, которая свидетельствует о появлении того или иного народа. В этой связи в качестве репрезентативной базы исследования предлагается рассмотрение роли монастырской жизни в культуре России на примере исследования актуальной сейчас проблемы собственности и отношения к ней Церкви в рамках полемики между «стяжателями» и «нестяжателями».

Ключевые слова: православие, культура, сакральное, секулярное, собственность.

В последнее время усилилось давление на Православную церковь и на православие вообще. Внешнее политическое влияние в очередной раз испытывает славянский мир на прочность, пытаясь разрушить его единство и идентичность в ключевом и стратегическом направлениях – в религиозном и культурно-национальном. Делается это по-разному. И в вероучительном, и в организационном, и в информационном, и во многих других направлениях. Одно из них связано с выяснением статуса собственности в православии. Причём почему-то та же самая сюжетная линия в рамках других конфессий сомнений не вызывает. Ничего нового в постановке подобного рода вопросов не было в прошлом. Нет и в настоящем. Просто сейчас, как и прежде, но в особо агрессивной манере, выдерживаемой, к тому же в тональности «теперь или никогда», очень часто с позиций иллюзионизма-докетизма и соматического гностицизма ставится под сомнение сама возможность экономических отношений в рамках религии, Церкви, монастырской собственности. Сама возможность строительства церквей и монастырей вызывает вопросы. «Зачем Церкви собственность, если Христианское Царство не от мира сего?» – лукаво или простодушно раздаётся из самых разных мест. Оставим противников в покое – те, кто предубеждён и призывает «встать грудью на пути у церковников», не хотят слышать вообще никакой аргументации, закрывают возможности какого бы то ни было понимания вообще, отказываются от поиска совместного герменевтического пространства. Как говорил Св. Иоанн Златоуст, «художники зла» и «чуждые сыны», т.е. люди, «отчуждившиеся от истины» [1. Т. 2. С. 681], не верят прежде всего потому, что не хотят. Но сомнения не чужды и тем, кто считает себя православным в славянском, русском мире. В чём тут дело? Отметим, что секуляризаторские настроения в истории не редкость, они не новы. И дело тут не только в православии, славянском или

русском мире. Их провозвестником был, как известно, ещё Исав, променявший священное первородство на чечевичную похлёбку, и его потомки – те самые сыновья Едомовы, которые говорили: «Разрушайте храмы иерусалимовы до основания его» (Пс., 136). Целые цивилизации, целые исторические периоды меняют священство на «чечевичную похлёбку», сакральное – на секулярное, стратегию – на тактику и периодически гибнут, как это метко отмечают науковед В.В. Налимов и богослов А.И. Осипов.

Известен случай с основателем монастырской жизни в России св. Феодосием Печерским, которого ещё в XI в. древнерусский просвещённый обыватель, а именно возница, заставил сесть вместо себя на облучок, попрекая праздной и вольготно-сытной монашеской жизнью. Русская история, особенно современная, полна такого рода примерами – куда менее безобидными. Однако первыми, кто выступил в этой области – с развёрнуто-обоснованной просветительской программой, полной упреков в тунеядстве, стяжательстве, накопительстве, ростовщичестве, эксплуататорстве и т.д., были конечно же яковинцы. В дальнейшем их последователи с системной точки зрения уже ничего добавить не смогли. Первым, кто тут же отпарировал – блестяще и с фактами в руках, был известный английский государственный деятель и, как бы мы сейчас сказали, политолог Эдмунд Бёрк. В «Размышлениях о революции во Франции», а также в «Трёх письмах против мира с царевийцами» он резонно заметил, что история вообще и история Франции в частности неопровержимо показывают, что монастырь осуществлял массу функций, в том числе и светских, особенно касающихся благотворительной и просветительской деятельности. А вот гарантией осуществления этого как раз и является собственность. Так, Э. Бёрк полагал, что нельзя допустить полной зависимости Церкви от государственной казны, как, впрочем, и от частных взносов или влияния со стороны политиков и военных. Нельзя превращать независимое духовенство в церковных служащих, состоящих на содержании у государства или отдельных лиц. Доходы Церкви, считал Бёрк, – её постоянное достояние, так же как земля, на которой она стоит; и это будет предохранять её от тех колебаний, которым подвержены общественные фонды и ценные бумаги. Кроме того, писал Э. Бёрк, возможно, люди, незнакомые с государственным устройством Франции и слышавшие, что Церковь пользовалась привилегиями при налогообложении, вообразят, что до революции она не вносила свой вклад в государственный бюджет. Это было бы большой ошибкой, считает Бёрк: «В общей сложности от духовенства в государственную казну поступало около тринадцатой части их чистого дохода» [2. С. 102].

На Руси общежительный монастырь с внешней, экономической стороны – трудовая, чаще всего земледельческая община. И, кстати, до сих пор. По задачам иночества, писал В.О. Ключевский, монахи должны питаться от своих трудов, свои труды ясти и питии, а не жить подавняниями мирян. Среди основателей и собравшихся к ним рядовой братии пустынных монастырей встречались люди из самых разных классов общества – бояре, купцы, промышленники, ремесленники, военные, иногда люди духовного происхождения, очень часто крестьяне. Общежительный монастырь (например, преп. Сергия Радонежского) представлял рабочую общину, производственную артель, в которой занятия распределялись между всеми: каждый знал своё дело и работы каждого шли «на братскую нужду». Здесь сверх религиозно-

иноческого воспитания главными житейскими науками были умение отдавать всего себя на общее дело, навык к усиленному труду и привычка к строгому порядку в занятиях, помыслах и чувствах. Что, кстати, ставило монастыри, монастырский труд, по признанию известного историка Русской церкви А.В. Карташева, «вне конкуренции». Наставник вёл постоянную работу над каждым отдельным братом, его особенностями, приспособлял их к целям всего братства. Так воспитывалось и само монастырское братство, и население, жившее вокруг монастырей, на которых иноки, по современным тому времени свидетельствам (например, агиографическим, т.е. житийным), производили глубокое назидательное впечатление. И для этой «воспитательной работы» тоже требовалась собственность! И если, по Ключевскому, с 1240 по 1340 г. возникло всего три десятка монастырей, то в следующее столетие под непосредственным влиянием самоотверженных трудов преп. Сергия – до 150. В том числе и Саввино-Сторожевский.

Как отмечает прот. А. Шмеман, с «социологической» и «экономической» точек зрения можно, конечно, говорить о политическом и образовательно-просветительском значении огромной сети монастырей, основанных учениками преп. Сергия Радонежского и его продолжателями. Но не это главное в нём, а тот, если хотите, ««абсолютизм» христианства, тот образ совершенного преображения человека Духом Святым, устремления к горнему, к высшему, «жизнь в Боге». Это сделало преп. Сергия средоточием русского православия в тёмные годы его истории, проложило столько дорог к Троице-Сергиевой лавре [3. С. 354–355]. Добавим – не только русского православия, но и славянского. Это, собственно, и есть то, что называется «икономия».

И здесь не исключение и преп. Савва Звенигородский, постриженник и ученик преп. Сергия. Он монашествовал, как известно, в обители Св. Троицы, где даже был, но недолго, игуменом. Удалясь оттуда в пустынь на Москве-реке, проводил жизнь в посте и молитве. К нему стекались монахи, простолюдины. Вскоре Юрий (Георгий), сын великого князя московского Дмитрия, княживший в Звенигороде, выбрал Савву духовником и умолил его выстроить близ Звенигорода на урочище Сторожи церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы. Это – 1377 г. Новая обитель скоро умножилась. Появляется каменная соборная церковь. Савва управлял в течение 36 лет устроенной им обителью. В 1407 г. он умер.

В старинных грамотах монастырь писался «Саввин на Сторожах», потому что на горе, где он воздвигнут, становилась некогда «опасливая» стража для остережения Москвы от нашествия неприятеля, войско которого можно было увидеть с горы ещё издалека. По сути, кроме сакральных и традиционно-благотворительных, монастырь выполнял ещё и политическую оборонительно-пограничную функцию.

Но и это ещё не всё. Нельзя обойти вниманием и особое его отношение к правящей в России политической элите. И здесь уже речь идёт не только о представительских функциях власти, поскольку Саввинский монастырь был часто посещаем царём Михаилом Фёдоровичем и его сыном Алексеем. Они жили там по несколько дней, им монастырь обязан своим улучшением. В 1650 г. его обнесли каменной оградой с семью большими башнями. Здесь царевна Софья Алексеевна с братьями Петром и Иоанном нашли убежище в 1682 г., когда был донос на старшего князя Хованского, что он покушается

на их жизнь. Алексей Михайлович дарит монастырю рукописную псалтирь, царские одежды. Здесь же и царские одежды Софьи Алексеевны.

Итак, какие же функции подкрепляла монастырская собственность? Многие обители, как это уже отмечалось, являлись рассадниками просвещения, очагами благотворительности и добровольных пожертвований, центрами религиозного и национального самосознания. Саввино-Сторожевский монастырь в этом отношении не был исключением. Но не только это. Именно в монастыре проводилась кадровая политика, поскольку именно там брали игуменов и иерархов для епархий. Вспомним один из основных доводов Иосифа Волоцкого, стоявшего во главе «стяжателей» против «нестяжателей» Нила Сорского.

По мнению С.М. Соловьёва, Нил смотрел на монастырь как на общество людей, отказавшихся от мира, это общество, в глазах его, было тем совершеннее, чем менее оно имело столкновений с миром; Иосиф же, кроме этого значения монастыря, предполагал ещё другое: он смотрел на монастырь так же, как на рассадник властей церковных; Нил имел в виду отшельника, желающего укрыться от мира, от всех его отношений, в болотах и лесах белозерских, Иосиф имел в виду также и владыку, епископа, который, будет взят из монастыря: «Если у монастырей сёл не будет, говорит Иосиф, то как честному и благородному человеку постричься? Если не будет честных старцев, то откуда взять на митрополию, или архиепископа, или епископа? Если не будет честных старцев и благородных, то вера поколеблется». Вообще же противопоставление стяжательства и нестяжательства — дело совершенно надуманное. И не случайно оба подвижника были согласно канонизированы русской Православной церковью. Противопоставлять их — всё равно что противопоставлять фундаментальную и прикладную науки. Нил Сорский делает акцент на сакральности, а Иосиф Волоцкий большое внимание уделяет институциональному обеспечению и осуществлению и догматики, и аскетики, и массовому распространению веры, вообще смягчению нравов в широкой народной среде. Иосиф Волоцкий, таким образом, был чужд высокомерного отношения к тому, что сейчас у политологов называется «работа с электоратом». Более того, он отчётливо представлял и все экономические стороны этой очень сложной, включающей в себя, повторяем, самые разные сферы деятельности. Здесь и просвещение, и образование, и обучение, и переподготовка. Как священников, монахов, так и мирян, паствы. Иосиф Волоцкий чётко понимал, что монастырская собственность служит гарантом осуществления не всей, конечно, но довольно существенной части нравственно-просветительной, образовательной деятельности Церкви.

Действительно, генерирование идеи — это одно, а вот организация информационно-коммуникационных процессов, способствующих распространению этой идеи, как говорил Исаак Сирин, «по всей силе жизни» — это уже несколько другое, но тоже очень важное, трудное, хотя и менее заметное, как всякое хорошее управление, а подчас и неблагодарное дело. Хорошая политика всегда сама собой разумеется. Заметна лишь плохая политика. Тем не менее от этого в очень большой степени, и Волоцкий это тоже прекрасно понимал, зависит, насколько успешно осуществляется перевод, если можно так выразиться, «массовой культуры», т.е. внешнего богопочитания, поверхностного усвоения веры, даже обрядоверия, означающего (как это не раз показано в истории, истории России в том числе) оскудение, профанацию, уга-

сание веры; перевод, повторяем, в глубокое и органическое осознание основ исповедуемой религии православного христианства. И чистота веры зависит от этого не в меньшей степени, чем от подвижничества. Да и сама организационно-экономическая деятельность, принимая во внимание все связанные с ней искушения, которым несть числа, – что это, как не подвижничество!

Каковы эти «чудовища» политики? Вот некоторые из них, о которых говорит св. Иоанн Златоуст в работе «О священстве»: тщеславие, гнев, обман, лицемерие, козни, негодования на людей невинных, удовольствие при неблагополучии служащих, печаль при их благосостоянии, желание похвал, пристрастие к почестям (оно более всего вредит душе человеческой), учение с угождением, неблагодарное ласкательство, низкое человекоугодие, презрение бедных, услужливость богатым, предпочтения неразумные и вредные, милости, опасные как для приносящих, так и для принимающих их, рабский страх, недостаток дерзновения, степенный вид смиренномудрия, но без истинного смирения, уклончивые обличения и наказания. Или, добавляет св. Иоанн, лучше сказать, перед незначительными людьми – чрезмерные, а пред сильными людьми – безмолвные. А чего стоят, как сейчас говорят, опасности гендерных отношений! И многое, много, другое. При этом последствий и опасностей у светских властей гораздо меньше, чем у церковных. Всё это уподобляет политику Евриппу. Употребляя эту метафору, праведник имеет в виду Еврипп – узкий пролив в Средиземном море, в котором вода, по сказаниям греков, прибывает и убывает семь раз в день и семь раз ночью. Да и сама организационно-экономическая деятельность, принимая во внимание все связанные с ней искушения, – что это как не подвижничество! А вспомним, насколько затратны были информационно-коммуникационные услуги того времени, учитывая, что и сегодня это одно из самых дорогих удовольствий. Обучить грамотных переводчиков, переплётчиков, вообще обеспечить культурно-филологическое обеспечение книжно-издательского дела, доставку и правильное хранение информации – это далеко не одна лишь техника. Как известно, история раскола в России подтвердила эту истину в полной мере. Но ведь культурная миссия монастырей не ограничивалась книгоизданием – сначала рукописным, потом типографским. После большого московского пожара 1547 г., когда погорели московские церкви, Иван IV послал за иконами, кроме Новгорода, Смоленска, Дмитрова, и в Звенигород – в тот же Саввино-Сторожевский монастырь.

Повторяем, основой деятельности Церкви как раз и явилась собственность, точнее – земельная монастырская собственность, поскольку она была главной в России, по крайней мере до XVIII в. Почему? С.М. Соловьёв писал в этой связи: «Вспомним, что в описываемое время (заметим, что расцвет Саввино-Сторожевского монастыря как раз до XVIII в. – *Авт.*) обеспеченное содержание могло предоставляться не иначе как в виде владения земельной собственностью, служилые люди получали содержание в виде поместий, следовательно, вопрос о содержании монашествующих мог ставиться только в такой форме: или владеть сёлами, или кормиться подаянием и работою рук». Зададимся вопросом: а что означало последнее? По реальным историко-экономическим особенностям России, и не только России того времени, работа наймом означала добровольное похолопление. Следовательно, вопрос

стоял так: или монастырям владеть земельной собственностью, или попадать в полную материальную, затем моральную зависимость, рабство.

Земельная монастырская собственность делала Церковь морально независимой от государства. Без собственности отделение Церкви от государства – не более чем декларация. Собственность давала Церкви связь с гражданским обществом, позволяя с помощью благотворительности заниматься социальной политикой. Кроме того, живя рядом с мирянами, духовный пастырь лучше знал их интересы, а главное, имел экономические возможности для помощи. Чёрное священство могло поддерживать белое священство, поскольку монастырская собственность, монастырские крестьяне освобождались от торговых пошлин. Приходские священники, как известно, с точки зрения налогообложения были в куда менее выгодном положении. Но тут важно иметь в виду очень важную особенность, которую чётко отмечал Иосиф Волоцкий: монастырь – стяжатель; монах – нет. Именно монастырь – «коллективный собственник», так как обеспечен в средствах содержания недвижимостью, дающим доход имением. Монах в политике и экономике – это, если угодно, менеджер, который только распоряжается этой собственностью, организует её наилучшее использование в интересах широкого круга мирян-акционеров. Но экономической стороной светская жизнь монастыря не ограничивалась – были и юридические отношения с окружающим гражданским обществом, поскольку игумен мог судить монастырских крестьян (кроме крупных уголовных дел). И занимаясь всеми видами внутреннего спасения человека, т.е. икономикой, монастырская братия спасала мирян и от пожаров, и от нашествий неприятеля, и от голода в случае недородов. Из истории Русской православной церкви доподлинно известно, что обители иногда годами кормили из своих житниц обнищавший народ. А борьба Церкви, особенно монастырей, с моровой язвой 1654 г.! А поставка припасов, снабжение русских войск! Вспомним 1000 воинов, которых сформировал Никон, фактически управлявший государством, когда Иван IV был на войне. Не говоря уже о многочисленных пожертвованиях Русской православной церкви во время Великой Отечественной войны.

О пограничной службе уже говорилось. Но в ведение монастырей входили – и Саввино-Сторожевский монастырь в этой связи один из самых показательных – больничное дело, приюты, церковно-приходские школы с общежитиями, типографии, заготовительные, художественные и прочие мастерские. И всё это без учёта постоянного и многотрудного внутреннего молитвенного делания братии – в тиши и безвестии, а подчас и в огульных осуждениях, поношениях, упрёках и злословии, клевете. Даже – в преследованиях. Но, заметим, что обители, разделившиеся, как известно, на городские, приходские и пустынные, даже когда они приходили со временем в упадок – от грубости нравов, гонений властей, доходящих до богоборчества или ещё по каким-то причинам, но даже тогда (и современность на примере Саввино-Сторожевского скита это снова подтверждает), когда монастырь практически исчезал, превращаясь в светское сооружение (музей, склад, столовую, военное училище, общежитие и т.д.), что-то от него всё-таки обязательно оставалось. Это крестьянский приход, церковь, часовенка, тот же скит, родничок – любое напоминание, что «не хлебом единым, а всяким Словом Божиим» жив человек. И это «зацепка» для последующего

восстановления и расцвета. И пример Саввино-Сторожевского монастыря и его роль в русской и славянской культуре, без сомнения, тут не исключение. Дело теперь только в нашем совместном усердии каждого на своём месте, как говорил П. Сорокин, «солидарном альтруизме», направленном на благополучие этой обители, и не только этой, но и всего русского и славянского мира.

Литература

1. Иоанн Златоуст Св. Беседа на Псалом 143 // Священное Писание в толкованиях Святителя Иоанна Златоуста. Т. 2 : Беседы на Псалмы. М. : Ковчег, 2006. 736 с.
2. Бёрк Э. Размышления о революции во Франции. М. : Рудомино, 1993. 144 с.
3. Шмеман А. Исторический путь православия. М. : Паломник, 1993. 389 с.

Victor I. Shamshurin, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: shamhuriny2@mail.ru

Nina G. Shamshurina, First Moscow State Medical University (Moscow, Russian Federation).

E-mail: shamhuriny2@mail.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2018. 46. pp. 176–183.

DOI: 10.17223/1998863X/46/20

ON POLITICS, ECONOMY AND OECONOMY (ON THE ROLE OF PROPERTY IN THE MONASTIC LIFE OF ORTHODOXY)

Keywords: Orthodoxy; culture; sacred; secular; property.

The main theme of the paper is the definition of the boundaries of the concept “Slavic world” on the example of its specified sample, the “Russian world”, in the context of the essential idea that binds this world, that allows people living in this world, regardless of their geographical location in the coordinate system of the globe, to understand each other. That is, people can be on the same not only geographical, but also hermeneutic surface, within a single territory of conscious meanings; they can have shared meanings, social and cultural codes, though not always conscious. Moreover, they can speak about their common social, civil, political, cultural and ideological similarity as “Russian”, regardless of nationality. Paraphrasing the words of Kant, we can say: the most valuable thing is to realize that it is us and that we think identically. The thesis of the paper is that culture, which indicates the appearance of a people, is determined by faith. A change of faith results in the disappearance of a people. In other words, social groups, communities, strata, peoples of the state will unite around certain values – even if first secular, they will necessarily become sacred; or first sacred and immediately recognized in their primevalness. At the same time, the way people behave in the presence of their sacred values testifies to their economic and social relations, everyday behavior, gestures, facial expressions, customs, traditions, habits, customs, laws, or, more specifically, to rituals, conscious or not yet conscious. In the first case, we can only speak about civilizational processes; in the second about cultural and civilizational ones. It is in the second case that we can speak about symbols, myths, legends, chronicles, epics, folklore, ideologies, and even about science, philosophy, political science and, particularly, sociology. In this regard, the representative basis of the research is the considered role of monastic life in the culture of Russia, namely, a study of the current problem of property and the attitude of the Church to it within the framework of the controversy between “possessors” and “non-possessors”.

References

1. John Chrysostom. (2006) *Svyashchennoe Pisanie v tolkovaniyakh Svyatitelya Ioanna Zlatousty* [Scripture in the interpretation of St. John Chrysostom]. Vol. 2. Moscow: Kovcheg.
2. Burke, E. (1993) *Razmyshleniya o revolyutsii vo Frantsii* [Reflections on the Revolution in France]. Translated from English by E. Gelfand. Moscow: Rudomino.
3. Shmeman, A. (1993) *Istoricheskiy put' pravoslaviya* [The historical path of Orthodoxy]. Moscow: Palomnik.